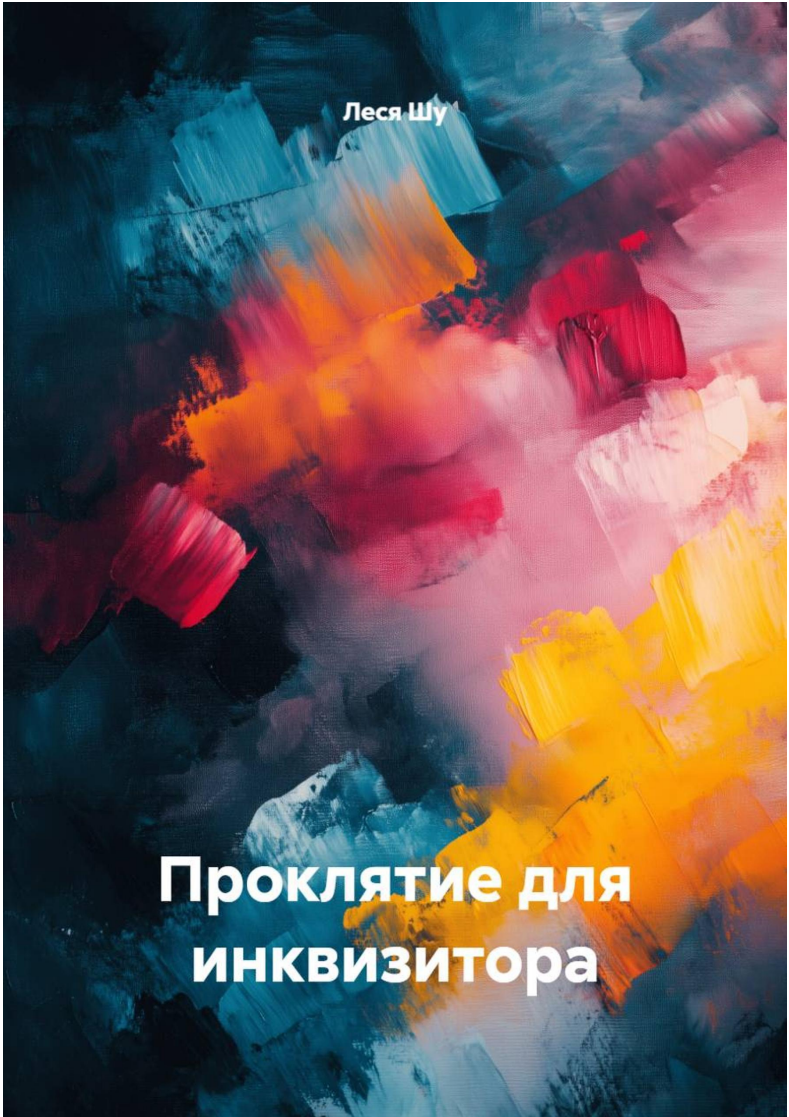
Леся Шу
Проклятие для инквизитора

Леся Шу
Проклятие для инквизитора

https://litres.ru/74697759
SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Лия. Меня приговорили к сожжению — за то, что я лечила людей. А спас меня человек, который подписал мой приговор: великий инквизитор Адриан Корв. Его прокляли два года назад, и он умирает изнутри. Единственный шанс выжить — ритуал, для которого нужна целительница. Я. Условия простые: через три дня стать его женой, а потом рискнуть жизнью. Шанс — один из пяти. Но Совет инквизиторов против, предыдущие шесть целительниц мертвы, а заказчик проклятия всё еще рядом. И самое опасное: Адриан не умеет чувствовать — но рядом со мной начинает. Я согласилась на сделку. Теперь посмотрим, кто из нас заплатит первым.

Содержание

Глава 1 5
Глава 1. Костер пахнет не дымом 6
Глава 2 22
Глава 3 33
Глава 3. Дом, который не любит гостей 34
Глава 4 53
Глава 4. То, что не тонет 54
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Леся Шу
Проклятие для инквизитора

Глава 1

Глава 1. Костер пахнет не дымом

Костер пахнет не дымом.

Я всегда думала, что будет дым — ну, знаете, как в книгах: горький, терпкий, с ноткой романтики. А на самом деле все оказалось гораздо прозаичнее. Мокрой соломой. Потом. Чужим страхом, который висит в воздухе плотным облаком и липнет к коже, как паутина.

И — совсем чуть-чуть — лавандой.

Лаванда была моя. Я вплела ее в косу утром, когда меня еще не поймали. Глупо, конечно. Но если уж тебя ведут на костер, хочется хотя бы пахнуть прилично.

— Ведьма! — заорал кто-то из толпы. — Ведьма! Сжечь ее!

Я повернула голову. Кричал мужик в кожаном фартуке, с лицом, красным от натуги. Наверное, кузнец. Или мясник. В общем, кто-то, кто всю жизнь бьет молотком по чему-то твердому и теперь наконец дорвался до зрелища.

— Оригинально, — сказала я вслух. — А то я не знала.

Телега подо мной скрипнула. Я сидела на соломе, со связанными за спиной руками, в одной рубахе — платье с меня содрали еще в застенке, — и смотрела на площадь, которая должна была стать моим последним зрелищем.

Площадь была большая. Каменная. С трибунами. В центре — столб, обложенный хворостом, и вокруг него — стра-

жа в черных плащах с серебряной вышивкой. Герб Инквизиции: меч, пронзающий змею. Красиво, ничего не скажешь. Со вкусом.

Я знала этот герб слишком хорошо. Он снился мне последние три недели — с тех пор, как меня взяли.

— Лия Вельская, — прочитал с помоста человек в мантии. Голос у него был ровный, поставленный, как у проповедника. — Обвиняетесь в незаконном использовании магии, в сговоре с темными силами, в покушении на жизнь его преосвященства великого инквизитора Адриана Корва. Признаете ли вы себя виновной?

Толпа затихла. Все смотрели на меня.

Я могла сказать «нет». Могла сказать «да». Могла сказать что-нибудь пафосное, вроде «я не ведьма, я просто женщина, которая умеет то, чего вы боитесь». Но я уже три недели провела в застенках Инквизиции, где мне задавали те же вопросы с пристрастием, и знала: тут не работает ни то, ни другое, ни третье.

Поэтому я улыбнулась.

— А что, если я скажу «да», вы меня отпустите?

По толпе прокатился гул. Человек в мантии побагровел.

— Насмехаетесь над судом, — сказал он. — Что ж. Это только усугубляет.

— Да ладно, — я подалась вперед, насколько позволяли веревки. — Вы же все равно собираетесь меня сжечь. Какая разница, что я скажу? Хоть станцуйте на моей могиле, мне

уже будет все равно.

— Ведьма, — выдохнул кто-то рядом. — Настоящая ведьма.

Я не стала спорить.

Ведьма я и была. Только не той, о которой они думали. Не злой колдуньей из страшных сказок, которая варит младенцев и насылает порчу на коров. Я была травницей. Знахаркой. Девушкой, которая с двенадцати лет умела слышать, как растут травы, и заговаривать кровь. Мама говорила: это дар. Инквизиция говорила: это ересь.

Инквизиция, как выяснилось, была убедительнее.

— Огонь! — заорал мясник. — Огонь!

Толпа подхватила. Слово покатилось по площади, как камень с горы: «Огонь! Огонь! Огонь!»

Палач — здоровый мужик в кожаном колпаке, без лица, без имени — подошел к телеге и грубо дернул меня за плечо. Я встала. Колени дрожали, но я заставила себя выпрямиться. Не хватало еще, чтобы эти люди увидели, как я боюсь.

Потому что я боялась. Очень. До тошноты.

Меня свели с телеги и повели к столбу. Хворост под ногами хрустел. Пахло смолой — видимо, облили для верности. Я смотрела на небо. Оно было серое, ровное, как застиранная простыня. Ни облачка. Ни птицы. Ничего.

— Лия Вельская, — человек в мантии подошел к краю помоста. — Отрекаетесь ли вы от своих заблуждений? Признаете ли вы власть Инквизиции и милость Творца?

Я посмотрела на него.

— Знаете, что самое смешное? — сказала я тихо. — Я никого не убивала. Я лечила людей. Ваших людей. Женщин, у которых не проходили роды. Детей, у которых был жар. Стариков, которых вы уже списали со счетов. Я никому не сделала зла. А вы меня сжигаете.

— Отрекаетесь? — повторил он.

Я выдохнула.

— Нет.

Он кивнул, как будто ждал этого ответа.

— Тогда да свершится правосудие.

Палач поднял факел.

И вот в этот момент — я клянусь, я не вру, — на площади стало тихо. Не просто тихо. Абсолютно. Как будто кто-то выключил звук.

Потому что ворота площади открылись, и оттуда вышел человек.

Я узнала его сразу. Хотя видела только один раз — в застенке, когда меня допрашивали. Тогда он стоял в тени, и я разглядела только силуэт. Высокий. В черном. С серебряной цепью на груди.

Великий инквизитор Адриан Корв.

Он шел по площади, и толпа расступалась перед ним, как вода перед носом корабля. Люди кланялись, опускали глаза, кто-то крестился. Он не смотрел ни на кого. Только на меня.

У него были глаза цвета старого льда — бледно-голубые,

почти бесцветные. И лицо, которое как будто вырезали из камня: резкие скулы, прямой нос, плотно сжатые губы. Молодой. Слишком молодой для великого инквизитора. На вид — не больше тридцати.

И — я заметила это сразу, потому что привыкла замечать такие вещи, — он был бледен. Не просто бледен. Сер. Как человек, который давно не спит и не ест. Или как человек, которого что-то гложет изнутри.

— Остановитесь, — сказал он.

Голос у него был низкий, ровный, без эмоций. Так говорят люди, которые привыкли, что их слушаются с первого раза.

Палач замер с факелом в руке. Человек в мантии побледнел.

— Ваше преосвященство, — залебезил он. — Мы как раз... осужденная...

— Я вижу, — сказал Адриан. — Отпустите ее.

Тишина стала еще плотнее. Я услышала, как кто-то в толпе ахнул.

— Но... ваше преосвященство... приговор утвержден... Совет...

— Совет, — повторил Адриан, и в голосе его что-то мелькнуло. Не злость. Что-то похуже. Усталость. — Совет утвердил приговор, не выслушав моего мнения. Я — великий инквизитор. И я говорю: отпустите.

Человек в мантии открыл рот. Закрыл. Посмотрел на палача. Палач посмотрел на него.

— Развяжите ее, — сказал Адриан.

Никто не двинулся. Он вздохнул — едва заметно, одними плечами, — и подошел к столбу сам.

Я смотрела на него снизу вверх. Он был выше меня на голову. От него пахло чем-то холодным — железом, пылью, — и ни капли лаванды.

— Руки, — сказал он.

Я не сразу поняла, что он обращается ко мне.

— Что?

— Руки, — повторил он. — За спиной. Повернитесь.

Я повернулась. Через секунду веревки упали. Я почувствовала, как кровь приливает к пальцам — больно, до покалывания, — и обернулась.

Адриан смотрел на меня. Близко. Слишком близко.

— Вы не ведьма, — сказал он тихо. Так тихо, что слышала только я.

Я опешила.

— Простите?

— Вы не ведьма, — повторил он. — Ведьма не стала бы лечить детей кузнеца, когда его жена пришла к вам с жаром. Ведьма не стала бы спасать роженицу, у которой было три выкидыша. И ведьма не отказалась бы отречься, зная, что это ее спасет.

Я моргнула.

— Вы... вы знаете, кто я?

— Я знаю о вас всё, Лия Вельская, — сказал он. — Я

знаю, что вы родились в деревне под Краковом. Что ваша мать умерла, когда вам было двенадцать. Что вы лечили людей бесплатно, потому что не могли иначе. И что вас сдала Инквизиции женщина, которой вы спасли жизнь.

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— Кто? — спросила я. — Кто меня сдал?

Он не ответил. Только смотрел на меня своими льдистыми глазами.

— У меня есть предложение, — сказал он.

— Предложение? — я невесело усмехнулась. — Мне только что хотели отрубить голову... то есть сжечь. А теперь у вас предложение?

— Именно так.

— И какое же?

Он наклонился ко мне. Совсем чуть-чуть. Так, что я почувствовала его дыхание на своей щеке. Холодное. Как из склепа.

— Выйдите за меня замуж, — сказал он.

Я застыла.

— Что?

— Выйдите за меня замуж, — повторил он, не моргнув глазом. — Через три дня. Венчание в главном соборе. Свидетели, охрана, всё как полагается.

Я отступила на шаг. Хворост под ногами хрустнул.

— Вы... вы сумасшедший?

— Нет.

— Вы только что хотели меня сжечь!

— Я не хотел, — сказал он ровно. — Я был против. Но Совет утвердил приговор без меня. Я узнал о нем сегодня утром.

— И поэтому решили на мне жениться?

— Да.

Я уставилась на него. Он смотрел на меня без всякого выражения. Как на уравнение, которое нужно решить.

— Объяснитесь, — сказала я. — Потому что я, знаете ли, не каждый день получаю предложения руки и сердца от людей, которые нанимали палача.

Он помолчал. Потом сделал шаг назад — дал мне пространство — и заговорил. Тихо, ровно, без интонаций.

— Меня прокляли, — сказал он. — Два года назад. Я не знаю, кто это сделал. Не знаю, за что. Но проклятие убивает меня. Медленно. Изнутри. Каждый день я теряю силы. Каждую ночь мне снится, что я горю.

Я смотрела на его лицо. На серую кожу. На тени под глазами. На то, как он держится за спинку помоста — незаметно, но я заметила.

Он не врал.

— И что? — спросила я осторожно. — Я-то тут при чем?

— Проклятие можно снять, — сказал он. — Есть ритуал. Но для него нужна женщина с даром. Не ведьма. Целительница. Та, кто умеет слышать жизнь.

— И вы решили, что это я?

— Я проверил. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Вы — единственная, кто подходит. За последние пять лет я нашел семерых. Все они умерли.

Холод пробежал у меня по спине. Не от его слов — от того, как он это сказал. Без эмоций. Как список. Как будто речь шла не о живых людях, а о неудачных экспериментах.

— Умерли, — повторила я.

— Да.

— От проклятия?

— От ритуала, — сказал он. — Он опасен. Я не буду вам врать. Шанс выжить — один из пяти. Может быть, меньше.

Я выдохнула.

— И вы предлагаете мне... что? Выйти за вас замуж, рискнуть жизнью ради человека, который меня едва не сжег, потому что шанс — один из пяти?

— Я предлагаю вам жизнь, — сказал он. — Здесь и сейчас. Без брака вы умрете сегодня. Через час. На этом костре. С браком у вас будет шанс. Один из пяти. Это больше, чем ноль.

Я молчала.

Он был прав. Вот что было самое паршивое. Он был абсолютно прав.

— И что будет после? — спросила я. — Если я выживу. Если ритуал сработает.

— Вы получите свободу, — сказал он. — Дом. Деньги. Новое имя. Я позабочусь о том, чтобы вас больше никто не

тронул.

— А если я откажусь?

Он посмотрел на меня. Долго.

— Тогда я уйду, — сказал он. — И вас сожгут. И я буду смотреть.

— Вы жестокий человек, — сказала я.

— Я инквизитор, — ответил он. — Жестокость — часть профессии.

Я засмеялась. Неожиданно для себя. Просто нервы.

— Знаете, — сказала я, — я всю жизнь думала, что выйду замуж по любви. Ну, или хотя бы по расчету. А не потому, что мой жених иначе меня сожжет.

— Это не любовь, — сказал он. — Это сделка.

— Я заметила.

— Так что? — он склонил голову. — Вы согласны?

Я посмотрела на площадь. На толпу, которая замерла в ожидании. На палача с факелом. На человека в мантии, который стоял ни жив ни мертв. На небо, которое так и не расчистилось.

А потом я посмотрела на свои руки. На шрам на большом пальце — от ножа, когда резала хлеб. На тонкую сетку морщин, которые появились за три недели в застенках. На ногти, обломанные до мяса.

Я хотела жить. Очень. Даже если для этого придется выйти замуж за человека, который только что собирался меня убить.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна.

Он кивнул. Ни радости, ни облегчения — просто кивнул, как будто я подтвердила пункт в договоре.

— Тогда идемте, — сказал он. — Нам нужно многое обсудить.

Он повернулся и пошел к воротам. Я пошла за ним. Толпа расступалась, и я чувствовала на себе взгляды — сотни взглядов, злых, удивленных, испуганных.

— Ведьма! — заорал кто-то снова. — Она прокляла его! Она его околдовала!

Адриан даже не обернулся.

Мы дошли до ворот. За ними стояла карета — черная, с гербом Инквизиции на дверце. Адриан открыл дверь и жестом пригласил меня внутрь.

Я забралась на сиденье. Он сел напротив.

Дверца закрылась. Карета тронулась.

Мы ехали молча. Я смотрела в окно, на проплывающие мимо дома, на людей, которые провожали нас глазами. А потом — потому что молчание было слишком громким — я сказала:

— Вы понимаете, что мы с вами сделали?

— Что? — спросил он, не открывая глаз.

— Мы только что объявили на всю площадь, что великий инквизитор женится на ведьме, которую сам же приговорил к сожжению. Как вы думаете, что скажет Совет?

— Мне плевать, — сказал он.

— Плевать?

— Я умру через полгода, — сказал он ровно, как будто сообщал прогноз погоды. — Может быть, через год. Если ритуал не сработает. Всё остальное меня не волнует.

Я замолчала. Потому что вот теперь — только теперь — я по-настоящему увидела его. Не инквизитора. Не великого и ужасного. А человека, который умирал. Медленно. Изнутри. И тащил меня за собой, потому что боялся умереть один.

Вот что было в его глазах. Не лед. Страх. Такой глубокий, такой привычный, что он уже и не замечал его.

— Я поняла, — сказала я тихо.

Он открыл глаза.

— Что вы поняли?

— Что вы не жестокий, — сказала я. — Вы просто очень устали.

Он смотрел на меня долго. Потом отвернулся к окну.

— Не надо меня жалеть, — сказал он. — Я этого не выношу.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда не выношу.

Он не ответил.

Карета катилась по булыжникам, и я думала о том, что через три дня я выйду замуж за великого инквизитора. Что через три дня я, возможно, начну ритуал, который убьет меня. Что через три дня всё, что я знала, закончится.

А пока я сидела в черной карете, напротив человека, который только что спас мне жизнь, и смотрела, как он спит. Он

и правда спал — прислонился к стенке кареты, закрыл глаза, и лицо у него стало другое. Не каменное. Просто уставшее.

Я подумала: интересно, снится ему, что он горит?

А потом карета остановилась. Дверца открылась.

— Ваше преосвященство, — сказал кто-то снаружи. — Мы приехали.

Адриан открыл глаза. Мгновенно проснулся — как будто и не спал.

— Идемте, — сказал он мне. — Вас нужно переодеть.

Я выбралась из кареты вслед за ним. Мы стояли во дворе какого-то огромного здания — серого, мрачного, с высокими окнами и шпилями. Я догадалась, что это его резиденция. Или тюрьма. С инквизиторами никогда не знаешь наверняка.

— Лия. — Он обернулся ко мне. — Прежде чем мы войдем, я должен вам кое-что сказать.

— Что?

— Помолвка — это не гарантия, — сказал он. — Совет не одобрит. Они попытаются вас убить. Не сегодня. Не завтра. Но попытаются.

— И вы мне это говорите сейчас? — спросила я.

— Я говорю вам это сейчас, — сказал он, — чтобы вы понимали: я не могу защитить вас от всего. Но я могу дать вам шанс. Один. Используйте его с умом.

Он открыл дверь и вошел внутрь. Я осталась стоять во дворе, глядя ему в спину.

А потом — я не знаю, почему я это сделала, — я подняла руку и посмотрела на свое запястье.

Там ничего не было. Никакого браслета. Но когда я смотрела, я чувствовала тепло. Слабое, едва заметное. Как от чужой руки.

Я тряхнула головой. Глупости. Просто стресс.

И пошла за ним.

Комната, куда меня привели, оказалась на удивление уютной. Кровать с балдахином, камин, кресло у окна. На столе — кувшин с водой и корзина с фруктами. Как в дорогом отеле, только с решетками на окнах.

Горничная — молодая девушка с испуганными глазами — помогла мне переодеться в чистое платье. Простое, серое, без украшений. Но чистое. И без корсета.

— Госпожа, — прошептала она, застегивая пуговицы. — Это правда, что вы ведьма?

— Правда, — сказала я.

— И вы будете женой его преосвященства?

— Похоже на то.

Она посмотрела на меня с ужасом.

— Не бойтесь, — сказала я. — Я не кусаюсь.

Она выбежала из комнаты. Я услышала, как в замке повернулся ключ.

Ну конечно. Не гостья. Пленница.

Я подошла к окну. Решетки были железные, толстые, с крепкими запорами. За ними — двор, стража, высокие сте-

ны. Выйти нельзя.

Ладно. Пока нельзя.

Я села на кровать и начала думать. У меня было три дня. Три дня до свадьбы. Три дня до ритуала. Три дня, чтобы понять, что происходит, и найти способ не умереть.

Потому что теперь я знала: Адриан Корв не сумасшедший. Он просто отчаявшийся. А отчаявшиеся люди — самые опасные. Они готовы на всё. И если он решил, что я — его единственный шанс, он не отпустит меня просто так.

В дверь постучали.

Я вздрогнула.

— Кто?

— Это я, — сказал голос Адриана. — Откройте.

— Дверь заперта.

Пауза. Потом щелкнул замок.

Адриан вошел. Он был в том же черном камзоле, но теперь без плаща. И в руках у него была книга — толстая, в кожаном переплете, с вытесненным на обложке гербом.

— Что это? — спросила я.

— Ритуал, — сказал он. — То, что мы будем делать. Здесь всё описано. Шаг за шагом.

— И вы даете это мне?

— Я даю это вам, — сказал он, — потому что вы должны понимать, на что соглашаетесь. И потому что я не хочу, чтобы вы умерли.

Я взяла книгу. Тяжелая.

— Почему вы не хотите, чтобы я умерла? — спросила я.

— Вам же всё равно. Я для вас — средство.

Он посмотрел на меня.

— Вы не средство, — сказал он тихо. — Вы человек.

И вышел.

Я осталась стоять с книгой в руках, глядя на закрытую дверь. А потом — вот честно, сама не знаю, что на меня нашло, — я засмеялась.

Смех был нервный, истерический, но всё-таки смех. Потому что за один день я успела: попасть на костер, узнать, что меня сдала какая-то женщина, которой я спасла жизнь, получить предложение от великого инквизитора, согласиться на опасный ритуал с шансом один из пяти — и услышать, что я не средство, а человек.

— Лия, — сказала я себе, — ты вляпалась по полной.

За окном стемнело. Где-то вдалеке завыла собака. А я открыла книгу и начала читать.

На первой странице было написано одно слово, выведенное красными чернилами — так, что казалось, будто оно кровоточит:

«ЗАПЛАТИ».

Я перевернула страницу.

На второй было пусто.

Глава 2

Глава 2. Сделка с палачомУтро началось с того, что я проснулась от холода.Не того утреннего холода, когда одеяло сползло на пол. А другого — глубокого, внутреннего, будто кто-то плеснул мне за шиворот ледяной воды. Я открыла глаза и обнаружила, что лежу на кровати поверх покрывала, в платье, с раскрытой книгой на груди. За окном было серо. Камин погас. А на запястье у меня горело.Я поднесла руку к лицу.На коже — там, где вчера не было ничего, — проступил тонкий серебристый узор. Не браслет. Не татуировка. Что-то вроде вязи, сплетенной из крошечных символов, которые я не могла прочитать. Узор пульсировал в такт сердцу и отдавал тем самым холодом, от которого я проснулась.— Какого дьявола, — сказала я вслух.Узор вспыхнул ярче. Не больно. Но ощутимо.Я села. Книга соскользнула на пол и раскрылась на середине. Я машинально глянула вниз — и замерла.Страницы были исписаны. Вчера я видела только первую — с этим жутким словом «ЗАПЛАТИ» — и вторую, пустую. А теперь книга была полна текста. Мелкого, убористого, с рисунками и схемами. Как будто она сама себя дописала за ночь.— Отлично, — пробормотала я. — У меня в руках живая книга. Что дальше? Заговорит?Книга не заговорила.Я подняла ее и открыла на первой странице. Слово «ЗАПЛАТИ» исчезло. Вместо него теперь было написа-

но: «День первый. Она согласилась».Я перелистнула. «День второй. Она читает».Я захлопнула книгу. Потому что если бы я прочитала следующую строчку, то, возможно, узнала бы что-то, к чему была не готова. А у меня и без того голова шла кругом.В дверь постучали.— Войдите, — сказала я.Дверь открылась, и на пороге появился Адриан.Он был в том же черном, что и вчера, но рубашка под камзолом была свежая, а волосы — влажные, будто он только что умылся. Тени под глазами никуда не делись, но держался он ровнее. Как человек, который поспал хотя бы пару часов и теперь делает вид, что этого достаточно.— Доброе утро, — сказал он.— Доброе, — отозвалась я. — Если можно назвать добрым утро, в которое я проснулась с непонятной магией на руке.Он посмотрел на мое запястье. И — я готова была поклясться — на его лице мелькнуло облегчение.— Значит, метка проявилась, — сказал он.— Метка? — я подняла руку. — Это что, ваша работа?— Наша, — поправил он. — Сделка должна быть скреплена. Иначе ритуал не сработает.Я уставилась на узор. Серебристые символы вились вокруг запястья, как змея, кусающая свой хвост.— И что она делает?— Не дает нам лгать друг другу, — сказал Адриан. — Ни мне, ни вам. Попробуете соврать — почувствуете боль. Попробую я — почувствую тоже.Я вспомнила вчерашнее: «Клятва. Теперь вы не сможете покинуть академию. И не сможете лгать мне». Значит, это было не пустой угрозой. Значит, магия уже тогда начала работать.— И давно вы собирались

мне об этом рассказать? — спросила я.— Сейчас.— А если бы я не заметила?— Заметили бы, — сказал он спокойно. — Метка проявляется у обоих. И она... настойчивая.Я посмотрела на его запястье. Он был в камзоле с длинными рукавами — не видно. Но я почему-то знала: там то же самое.— Хорошо, — сказала я. — Значит, мы связаны. Что дальше?— Дальше — завтрак, — сказал он. — И разговор. У нас мало времени, а дел много.Он развернулся и вышел, не дожидаясь ответа. Я осталась сидеть на кровати с книгой в руках и с мыслью, которая была неприятнее всего: он мог соврать мне вчера. Мог сказать, что я не ведьма, что он меня спасет, что всё будет хорошо. Но не соврал. Сказал как есть: один шанс из пяти.Странно. Я не привыкла доверять людям. А тут — человек, которого я должна бояться, — и он единственный, кто не пытается меня обмануть.Я встала, натянула первое попавшееся платье — опять серое, без корсета, слава богам, — и вышла из комнаты.Дверь была не заперта. Это уже прогресс.Столовая оказалась большой и мрачной. Длинный стол, высокие окна, гобелены с изображением битв. На стенах — факелы, которые горели сами по себе. Магия. Я всё еще не могла к ней привыкнуть.Адриан сидел во главе стола. Перед ним стояла тарелка с чем-то, что пахло мясом, и чашка с чем-то, что пахло кофе. Настоящим кофе. Я почувствовала его запах и едва не заплакала.— Садитесь, — сказал он, кивнув на стул напротив.Я села. На столе передо мной тоже появилась тарелка — откуда-то из ниоткуда, про-

сто материализовалась. Я вздрогнула.— Домовая магия, — пояснил Адриан. — Привыкайте.— Я никогда не привыкну, — сказала я, беря вилку.Мы ели молча. Я — потому что не ела три дня и была готова глотать что угодно. Он — потому что, судя по его лицу, еда была для него такой же обязанностью, как и всё остальное.Когда тарелки опустели, Адриан отодвинул свою и сложил руки на столе.— Итак, — сказал он. — Давайте обсудим условия.— Условия? — я откинулась на спинку стула. — Я думала, мы уже всё обсудили. Я выхожу за вас, вы меня не сжигаете.— Это была не сделка, — сказал он. — Это было спасение. Сделка будет сейчас.Я прищурилась.— Слушаю.— Через три дня мы обвенчаемся, — начал он. — После венчания я введу вас в курс дела. Вы получите доступ к моим бумагам, к архивам, к людям, которые на меня работают. Всё, что нужно для ритуала.— И что именно нужно?— Для начала — понять, кто вас проклял.— Меня? — я опешила. — Меня никто не проклинал.— Прокляли, — сказал он ровно. — Вас прокляли в тот день, когда вы родились. Ваша мать была целительницей. И она передала вам дар. Но вместе с даром она передала вам и... обременение.— Обременение? — я невольно усмехнулась. — Звучит как ипотека.Адриан не улыбнулся. Он вообще, кажется, не понимал шуток.— Проклятие, — сказал он. — Оно называется «плата». Каждый раз, когда вы используете дар, вы отдаете что-то взамен. Ваша мать отдала свою жизнь, когда лечила слишком многих. Вы отдаете... пока не знаю что.

Но отдаете.Я замерла.— Вы врете, — сказала я.Метка на запястье вспыхнула. Больно. Как укус.Я охнула и схватилась за руку.— Я не вру, — сказал Адриан, и в его голосе впервые за всё время появилось что-то похожее на эмоцию. Сожаление. — Простите. Метка не различает, кто лжет. Она просто реагирует на ложь.— Я не лгала! — я потерла запястье.— Лгали, — сказал он. — Вы сказали «вы врете». Это было не утверждение, а попытка защититься. Метка почувствовала.Я уставилась на него. Потом на свою руку. Потом снова на него.— Значит, я не могу даже... — я запнулась. — Даже сказать что-то, во что хочу верить?— Нет, — сказал он. — Вы можете верить во что угодно. Но если вы произносите вслух то, что не соответствует правде, — метка сработает.— Отлично, — пробормотала я. — Просто отлично. Теперь у меня в голове будет цензор.— Это не цензор, — сказал Адриан. — Это гарантия. Я не могу вам лгать. Вы не можете лгать мне. Мы оба знаем, что сделка честная.— И вы считаете это честным? — я подняла руку с меткой. — Вы приковали меня к себе магией и называете это честностью?— Я считаю это необходимостью, — сказал он. — Без метки ритуал не сработает. И без метки я не смогу вам доверять.— А я смогу доверять вам?Он помолчал.— Нет, — сказал он наконец. — Не сможете. Но вы сможете проверить каждое мое слово. Это больше, чем у вас было вчера.Я хотела огрызнуться. Хотела сказать что-нибудь колкое, чтобы сбить с него эту непробиваемую уверенность. Но вместо этого я вдруг поня-

ла, что он прав. Опять прав. Потому что вчера у меня не было ничего. Ни свободы, ни выбора, ни гарантий. А сегодня у меня есть метка, которая не дает ему врать. И это было больше, чем ноль.— Ладно, — сказала я. — Метка. Дальше что?— Дальше — ритуал, — сказал он. — Но прежде чем мы к нему приступим, вы должны кое-что узнать.Он встал и подошел к окну. За стеклом был двор — серый, пустой, с высокой стеной на горизонте. Он смотрел на него, и я видела, как напряглись его плечи.— Проклятие, которое меня убивает, — сказал он, — было наложено два года назад. Я был на задании. В городе, который теперь стерт с карт. Я нашел там... кое-что. Артефакт. И привез его сюда.— И?— И с тех пор я умираю, — сказал он. — Каждую ночь мне снится, что я горю. Каждое утро я просыпаюсь слабее. Через полгода — максимум год — я умру.— Вы говорили, — сказала я. — Вчера. На площади.— Я говорил, — согласился он. — Но не говорил, что это началось именно так. Я думал, что смогу найти ответ сам. Я ошибался.— И поэтому вы ищете целительницу.— Да.— Шесть целительниц до меня.— Да.Я помолчала.— Что с ними стало?Адриан отвернулся от окна. Его лицо снова стало каменным.— Первая умерла во время ритуала, — сказал он. — Вторая — через неделю после. Третья сошла с ума. Четвертая сбежала. Пятую нашли в реке. Шестая... — он замолчал.— Шестая? — повторила я.— Шестая исчезла, — сказал он. — Три месяца назад. Я до сих пор не знаю, что с ней случилось.Холод пробежал у меня по спи-

не. Не от метки. От его слов.— И вы хотите, чтобы я стала седьмой, — сказала я.— Я хочу, чтобы вы стали последней, — сказал он.— Это как-то должно меня утешить?— Нет, — сказал он. — Это должно вас предупредить.Мы помолчали. Я смотрела на него — на человека, который только что рассказал мне, что шесть женщин до меня погибли или исчезли, пытаясь его спасти. И при этом он даже не пытался меня убедить, что со мной всё будет иначе. Не говорил «ты справишься». Не говорил «у тебя получится». Просто сказал: вот факты. Решай.— Почему вы не врете? — спросила я. — Вы же можете. Метка не позволяет, но вы могли бы попытаться. Сказать, что всё будет хорошо.— Я не могу, — сказал он. — Метка не позволит.— А если бы могли?Он посмотрел на меня. Долго.— Я не знаю, — сказал он наконец. — Я два года живу с этим. И за два года я привык говорить правду. Потому что ложь не спасает от смерти.— А правда спасает?— Нет, — сказал он. — Но она честнее.Я засмеялась. Коротко, невесело.— Вы, оказывается, философ.— Я инквизитор, — сказал он. — Мы все немного философы.Он вернулся к столу и сел напротив меня.— У нас три дня, — сказал он. — За это время вы должны изучить ритуал. Всё, что в книге. Каждую строчку. Если чего-то не поймете — спрашивайте. Я отвечу.— А если я откажусь? — спросила я. — В последний момент. Что тогда?Он помолчал.— Тогда я умру, — сказал он. — А вы будете жить. Метка не убьет вас, если сделка не будет завершена. Она просто... исчезнет.— И вы меня отпу-

стите?— Да.— И не станете сжигать?— Нет, — сказал он. — Я дам вам денег и провожатого до границы. Дальше вы сами.Я уставилась на него.— Вы серьезно?— Абсолютно.— Вы готовы умереть, чтобы дать мне выбор?Он посмотрел на меня так, будто я сказала что-то странное.— Вы не должны умирать за меня, — сказал он. — Никто не должен. Если ритуал не сработает — это моя проблема. Не ваша.Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.— Вы... — начала я и запнулась.Потому что не знала, что сказать. Этот человек — великий инквизитор, тот самый, от чьего имени сжигали ведьм, — только что предложил мне выход. Настоящий. Без подвоха. Без ловушки. Просто взял и сказал: если ты не хочешь, я не буду тебя заставлять.— Почему? — спросила я.— Потому что я видел, что бывает с теми, кого заставляют, — сказал он. — Шесть раз видел. И больше не хочу.Метка на моем запястье не вспыхнула. Значит, правда.Я откинулась на спинку стула и уставилась в потолок.— Знаете, — сказала я, — вы не самый ужасный человек, которого я встречала.— Спасибо, — сказал он сухо. — Я стараюсь.И — вот честно, я не ожидала, — уголок его губ дрогнул. Не улыбка. Но что-то близкое.Я фыркнула.— Ладно, — сказала я. — Показывайте книгу. Будем разбираться.Мы просидели над книгой весь день.Я оказалась права: она была живой. Текст менялся, стоило мне перелистнуть страницу, и иногда на полях появлялись заметки, которых вчера не было. «Она читает быстрее, чем предыдущие», — гласила одна. «Она задает правильные

вопросы», — гласила другая.— Это нормально? — спросила я, показав Адриану.Он кивнул.— Книга — часть ритуала. Она записывает всё, что происходит.— И она меня оценивает?— Она оценивает процесс.— Значит, я сдаю экзамен.— Можно и так сказать.Я вздохнула и вернулась к чтению.К вечеру у меня в голове была каша. Ритуал состоял из семи шагов, и каждый шаг был сложнее предыдущего. Первый — «увидеть проклятие». Второй — «понять его». Третий — «принять его». Четвертый — «разделить его». Пятый — «выдержать». Шестой — «отдать». Седьмой — «заплатить».— Седьмой шаг, — сказала я, ткнув пальцем в страницу. — «Заплатить». Что это значит?Адриан помолчал.— Это значит, что за снятие проклятия нужно отдать что-то взамен, — сказал он. — Что-то равноценное.— Например?— Я не знаю, — сказал он. — Книга не пишет. Она показывает только тогда, когда ритуал начинается.— То есть мы не узнаем цену, пока не дойдем до конца?— Да.Я закрыла книгу.— Отлично, — сказала я. — Просто отлично. Я соглашаюсь на ритуал, не зная, чем мне придется за него заплатить.— Вы можете отказаться, — напомнил он.— Знаю, — сказала я. — Вы уже говорили.Я встала и подошла к окну. За стеклом было темно. Где-то вдалеке горели факелы на стенах, и я видела силуэты стражников, которые ходили по двору.— Скажите, — спросила я, не оборачиваясь, — а что вы чувствуете? Сейчас. Когда смотрите на меня.Он молчал так долго, что я подумала, что он не ответит.— Ничего, — сказал он

наконец.Я обернулась.— Совсем ничего?— Совсем ничего, — сказал он. — Я не чувствую ни страха, ни надежды, ни... — он запнулся. — Ничего. Уже два года.— И как вы живете?— Привык.— К этому нельзя привыкнуть.— Можно, — сказал он. — Если не помнить, как было до.Я смотрела на него. На человека, который сидел за столом, сложив руки, и говорил о себе так, будто читал отчет. И я вдруг подумала: а ведь он даже не понимает, насколько это страшно. Не понимает, что потерял. Потому что не помнит.— А вы хотели бы? — спросила я. — Чувствовать?Он посмотрел на меня. И в его глазах — ледяных, бесцветных — что-то дрогнуло.— Не знаю, — сказал он. — Я не помню, каково это.Я отвернулась к окну.— Знаете, — сказала я тихо, — я вам, пожалуй, помогу.— Почему?— Потому что никто не должен жить, не чувствуя ничего, — сказала я. — Даже инквизитор.Он не ответил. Но когда я обернулась, он смотрел на меня — и в этом взгляде было что-то, чего раньше не было. Не благодарность. Не удивление. Что-то другое. Что-то, чему я не знала названия.Метка на моем запястье тихо пульсировала. Не больно. Тепло.Ночью я не могла уснуть.Я лежала в постели, уставившись в потолок, и прокручивала в голове всё, что узнала за день. Проклятие. Шесть целительниц. Ритуал из семи шагов. Цена, которую я узнаю только в конце.И Адриан. Человек, который не чувствует ничего. Человек, который сказал: «Вы не должны умирать за меня».Я перевернулась на бок.В дверь тихо постучали.Я вздрогнула. Время было позднее —

за окном стояла глухая ночь. Кто мог прийти?— Кто там? — спросила я.Ответа не было.Я встала, накинула платье поверх рубашки и подошла к двери. Приоткрыла.В коридоре было пусто. Только факел на стене горел неровным светом.Я уже хотела закрыть дверь, когда заметила на полу конверт. Такой же, как вчера. Плотный, темный, без подписи.Я подняла его.Внутри была записка. Одна строчка. Написана кровью — бурой, уже подсохшей, как вчера.«Спроси его, что случилось с шестой».Я перечитала. Потом еще раз. Потом посмотрела в пустой коридор.— Эй! — крикнула я. — Кто здесь?Тишина.Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.«Спроси его, что случилось с шестой».Он уже сказал мне. Сказал, что она исчезла. Три месяца назад. И что он не знает, что с ней стало.Но если кто-то пишет мне об этом кровью на записках — значит, знает больше. Значит, в этой истории есть что-то, чего Адриан мне не рассказал.Или не может рассказать.Я посмотрела на свое запястье. Метка пульсировала ровно, спокойно.«Не может рассказать», — подумала я.Потому что если бы он врал — метка бы сработала. А она молчала.Значит, он сам не знает.Или — знает, но не помнит.Я села на кровать и уставилась на записку.Завтра я спрошу его. Спрошу прямо. И посмотрю, что скажет метка.А пока — я спрятала записку под подушку и легла.Сон не шел. Я лежала и слушала, как где-то в глубине дома ходит человек. Медленно. Туда-сюда. Как будто не может найти себе места.Я знала, кто это.И впервые за всё время мне стало его жалко.

Глава 3

Глава 3. Дом, который не любит гостей

Утром я первым делом спросила про шестую.

Адриан сидел напротив меня за тем же длинным столом, с той же чашкой кофе и тем же каменным лицом. Я положила записку рядом с его тарелкой — прямо на белоснежную скатерть, бурые пятна вверх.

— Что это? — спросил он.

— Мне оставили под дверью ночью, — сказала я. — «Спроси его, что случилось с шестой». Я спрашиваю.

Адриан взял записку. Повертел в пальцах. Прочитал. Лицо его не изменилось — ни на йоту.

— Я уже сказал вам, — произнес он. — Она исчезла.

Метка на моем запястье молчала. Не вспыхнула. Значит, не врет.

— И это всё? — спросила я. — Просто исчезла?

— Да.

— Вы даже не пытались ее найти?

Он поднял на меня глаза. И вот тут я впервые увидела в них что-то новое. Не лед. Что-то подо льдом. Что-то, что шевелилось.

— Пытался, — сказал он. — Три месяца. Я нанял людей. Я сам ездил в те места, где ее видели в последний раз. Я допрашивал свидетелей. И ничего.

— Свидетелей? — я зацепилась за слово. — Значит, кто-то ее видел?

— Ее видели, — сказал он медленно. — В ночь исчезновения. Она выходила из этой резиденции. Шла к воротам. Стража ее пропустила.

— Почему?

— Потому что она сказала, что я ее отпустил.

Я замерла.

— Вы ее не отпускали?

— Нет.

Метка молчала. Правда.

Я откинулась на спинку стула.

— И вы не знаете, куда она пошла?

— Не знаю, — сказал он. — И, честно говоря, леди Вельская, это не самое важное из того, что нам нужно обсудить.

— Для меня — самое, — сказала я. — Потому что если я стану седьмой, и кто-то будет писать записки кровью следующей целительнице, спрашивая, что случилось со мной, — я хочу, чтобы на этот вопрос был ответ.

Он помолчал. Потом кивнул.

— Справедливо.

— Так что? — я подалась вперед. — Кто мог оставить эту записку?

— Любой, — сказал он. — В резиденции тридцать слуг. Двадцать стражников. Повара, конюхи, секретари. Любой из них мог подойти к вашей двери ночью.

— И вы не думаете, что это подозрительно?

— Я думаю, что это игра, — сказал Адриан. — Кто-то хочет, чтобы вы боялись. Чтобы вы сомневались во мне. Чтобы вы отказались от ритуала.

— Или чтобы я задала правильные вопросы, — сказала я.

Он посмотрел на меня. Долго.

— Может быть, — сказал он наконец. — Но я не могу это проверить. Записка написана кровью — не магической, обычной, человеческой. Никаких следов. Никаких отпечатков. Ничего.

Я вздохнула. Взрослый мир, где преступления расследуют инквизиторы, — и никто не может найти того, кто оставляет записки под дверью. Прекрасно.

— Ладно, — сказала я. — Тогда я хочу осмотреть дом.

Адриан поднял бровь.

— Зачем?

— Потому что я здесь живу, — сказала я. — И потому что если кто-то хочет меня запугать, мне полезно знать, где здесь что находится. Вдруг я найду что-нибудь интересное.

— Вам не нужно ничего искать, — сказал он. — Вам нужно готовиться к ритуалу.

— Я буду готовиться, — сказала я. — Но сначала — дом. Вы же сами сказали, у нас три дня. Один день на осмотр — не такая уж большая потеря.

Он смотрел на меня с минуту. Потом вздохнул — едва заметно, но я услышала.

— Хорошо, — сказал он. — Но я пойду с вами.

— А это обязательно?

— Обязательно, — сказал он. — Если вы будете ходить по дому одна, слуги могут... неправильно понять.

— Неправильно понять? — я усмехнулась. — Они решат, что я воровка? Или что я их прокляну?

— Они решат, что вы ведьма, — сказал Адриан ровно. — А ведьм в этом доме боятся.

— Странно, — сказала я. — Учитывая, что в этом доме живет великий инквизитор.

— Именно поэтому, — сказал он. — Они боятся и меня.

Я посмотрела на него. И впервые за всё время мне показалось, что он говорит не просто так.

— Вы одиноки, — сказала я.

Он не ответил.

— Я права?

— Пойдемте, — сказал он, вставая. — У нас много дел.

Резиденция великого инквизитора оказалась лабиринтом.

Мы ходили по коридорам — длинным, узким, с высокими потолками и темными панелями на стенах. Факелы горели сами по себе, и их свет ложился на пол неровными пятнами. Пахло пылью, воском и чем-то еще — сладковатым, как ладан в церкви.

— Сколько здесь комнат? — спросила я, сворачивая за угол.

— Восемьдесят четыре, — ответил Адриан. — Не считая

подвалов.

— Восемьдесят четыре? — я присвистнула. — И вы живете здесь один?

— Со слугами.

— Это не считается.

Он не ответил.

Мы прошли через большой зал — с гобеленами, с изображением битв, портретами инквизиторов в черных мантиях, — и вышли в галерею. За окнами был двор: серый, каменный, с фонтаном, который не работал.

— А это что? — я кивнула на дверь в конце галереи. Она была заперта, и на ней висела цепь.

Адриан остановился.

— Кладовая, — сказал он.

— Кладовая? — я подошла ближе. — С цепью?

— Там хранятся опасные предметы.

— Вы уверены?

— Да.

Метка молчала. Но я все равно не поверила. Не потому что он врал — потому что он не договаривал.

— Откройте, — сказала я.

Адриан посмотрел на меня.

— Это не обязательно.

— Я хочу посмотреть.

— Леди Вельская...

— Я не прошу вас открыть мне все секреты, — сказала я.

— Просто эту комнату. Если там правда кладовая с опасными предметами — я это переживу. Если нет — я хочу знать.

Он помолчал. Потом достал из кармана ключ.

Цепь упала на пол с грохотом. Замок щелкнул. Адриан открыл дверь.

И я увидела комнату.

Она была маленькая — гораздо меньше, чем я ожидала. Узкое окно под потолком, кровать, застеленная серым одеялом, стол, стул. На столе — свеча, книга, чашка. На стене — распятие. На полу — коврик.

И ни пылинки.

— Это не кладовая, — сказала я.

Адриан стоял в дверях, не заходя внутрь.

— Это ее комната, — сказал он. — Шестой.

Я обернулась.

— Вы держите ее комнату запертой? С цепью?

— Я не хотел, чтобы кто-то входил, — сказал он.

— Зачем?

Он молчал.

— Зачем вы держите ее комнату запертой? — повторила я.

— Потому что я не знаю, что с ней случилось, — сказал он. — И потому что если она вернется, я хочу, чтобы у нее было куда вернуться.

Метка не вспыхнула. Правда.

Я вошла в комнату.

Вблизи она казалась еще меньше. Кровать была аккуратно заправлена — так, как заправляют горничные, когда хозяин уехал. На столе стояла книга. Я открыла ее: это был требник. Молитвы. С закладкой на середине. На чашке — след от чая, сухой, коричневый.

Я провела пальцем по столу. Пыли не было. Совсем.

— Здесь убирают, — сказала я.

Адриан не ответил.

Я обернулась. Он стоял в дверях, все так же не заходя. И лицо у него было... странное. Не каменное. Растерянное.

— Вы здесь убираете, — сказала я. — Каждый день. Или каждую неделю. Зачем?

— Я не знаю, — сказал он.

Метка не вспыхнула. Правда. Он правда не знал.

Я огляделась. Кровать. Стол. Стул. Распятие. Ничего лишнего. Как будто человек жил здесь и в любой момент мог уйти.

— Как ее звали? — спросила я.

— Мила, — сказал Адриан. — Мила Дорн.

— Сколько ей было?

— Двадцать два.

Моложе меня. Я сглотнула.

— И она просто... ушла?

— Она сказала страже, что я ее отпустил, — сказал Адриан. — Они поверили. У нее не было причин лгать.

— А вы? — я посмотрела на него. — Вы ее отпускали?

— Нет.

— Она вам лгала?

— Не знаю, — сказал он. — Возможно. Я не могу этого проверить.

Я подошла к кровати. Опустилась на колени. Заглянула под нее.

Там было пусто. Только пыль — и на ней след. Один. Как будто что-то лежало там долго, а потом исчезло. Я провела рукой по полу — и нащупала.

Маленький предмет. Твердый. Металлический.

Я вытащила его.

Это был медальон. Круглый, на тонкой цепочке, с выгравированным на крышке символом. Я повертела его в пальцах. Символ был странный — не похожий ни на герб Инквизиции, ни на что-то, что я видела раньше. Спираль. Замкнутая сама на себя, с точкой в центре.

— Что это? — спросила я, поднимаясь.

Адриан подошел. Взял медальон. И лицо у него изменилось.

Впервые за всё время — по-настоящему изменилось. Не дрогнуло, не напряглось. Побледнело. Так, как бледнеют люди, когда видят призрака.

— Это не ее, — сказал он.

— Чей же?

Он сжал медальон в кулаке.

— Я не знаю, — сказал он. — Но я видел этот символ

раньше.

— Где?

Он посмотрел на меня. И в его глазах — ледяных, бесцветных — было что-то, чего я не видела ни разу.

Страх.

— В городе, который я стер с карт, — сказал он. — В тот день, когда меня прокляли.

Мы вернулись в кабинет. Адриан сел за стол и положил медальон перед собой. Мы оба смотрели на него, как на бомбу с часовым механизмом.

— Расскажите, — сказала я. — Про тот день. Подробно.

Он помолчал. Потом заговорил.

— Два года назад я получил приказ, — сказал он. — В городе Моррен, на границе с Северными землями, появился культ. Они поклонялись... чему-то. Совет послал меня разобраться. Я приехал с отрядом. Мы нашли их в подземелье под часовней. Их было двенадцать. Они проводили ритуал.

— Какой ритуал?

— Я не знаю, — сказал он. — Я прервал его. Мы всех арестовали. А потом... — он запнулся. — Потом я нашел артефакт. В центре круга. Он был... — он поискал слово, — живой. Он пульсировал. Как сердце.

Я поежилась.

— И вы его забрали?

— Я его изъял. Это моя работа. Опасные предметы должны быть уничтожены или спрятаны. Я привез его сюда.

— И с тех пор вы умираете.

— Да.

Я посмотрела на медальон.

— И этот символ — спираль с точкой — был там? На артефакте?

— На стене, — сказал он. — За кругом. Я запомнил, потому что он был... неправильный. Не такой, как остальные.

— Что с культом? — спросила я. — С теми двенадцатью?

— Их казнили, — сказал Адриан. — По приговору Совета. Через неделю после моего возвращения.

— Всех?

— Всех.

— И вы присутствовали?

Он посмотрел на меня.

— Я всегда присутствую на казнях, — сказал он. — Это моя обязанность.

Я не стала спрашивать, что он чувствовал. По его лицу было видно — ничего.

— Значит, — сказала я медленно, — культ уничтожен. Все мертвы. Но символ — здесь. В комнате шестой целительницы. Под кроватью, где его никто не должен был найти.

— Да.

— И записка мне под дверью. Кровью. С вопросом о шестой.

— Да.

— Значит, — я выдохнула, — кто-то из культа выжил.

Адриан покачал головой.

— Невозможно. Я видел тела.

— Вы видели тела двенадцати человек, — сказала я. — А сколько их было на самом деле?

Он замолчал.

— Вы не знаете, — сказала я. — Вы не считали. Вы просто пришли, арестовали тех, кто был в подземелье, и уехали.

— Их было двенадцать, — сказал он. — Я уверен.

— А если был тринадцатый? — спросила я. — Тот, кто остался снаружи? Тот, кто наложил проклятие? Тот, кто теперь пишет мне записки?

Адриан смотрел на медальон. Долго.

— Тогда, — сказал он, — у нас проблема.

— У нас уже была проблема, — сказала я. — Теперь у нас две.

Я взяла медальон. Покрутила в пальцах. Спираль. Замкнутая сама на себя. Точка в центре.

— Знаете, что это мне напоминает? — сказала я.

— Что?

— Ловушку, — сказала я. — Спираль затягивает. Точка — то, куда ты попадешь в конце.

Адриан не ответил.

— Нам нужно найти того, кто это оставил, — сказала я. — И того, кто написал записку. Они могут быть одним человеком.

— Или не могут, — сказал он.

— Или не могут, — согласилась я.

Я положила медальон на стол.

— У нас два дня, — сказала я. — До свадьбы. После свадьбы начнется ритуал. И если этот человек — или эти люди — хотят меня остановить, они будут действовать до.

— Вы предлагаете их найти, — сказал Адриан.

— Я предлагаю их выманить, — сказала я. — Мы знаем, что они хотят меня напугать. Значит, дадим им повод думать, что у них получилось.

Адриан поднял бровь.

— Вы хотите сыграть в игру.

— Я хочу выжить, — сказала я. — А для этого мне нужно знать, с кем я имею дело.

Он помолчал. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Что вы предлагаете?

Я улыбнулась. Впервые за всё время — по-настоящему.

— Для начала, — сказала я, — расскажите мне всё, что знаете о своей страже. Всех до одного. Кто где стоит. Кто когда дежурит. Кто мог пройти к моей двери ночью и остаться незамеченным.

Адриан смотрел на меня. И в его глазах — ледяных, бесцветных — что-то дрогнуло. Не страх. Что-то другое.

— Вы не боитесь, — сказал он.

— Боюсь, — сказала я. — Еще как. Но я боюсь и бездействия. А это хуже.

Он кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда начнем.

Мы просидели над списками до вечера.

Стража. Слуги. Повара. Конюхи. Секретари. Адриан знал всех по именам — и, судя по тому, как он говорил, знал и их слабости. Кто пьет. Кто играет в карты. Кто в долгах. Кто недавно женился. Кто потерял ребенка.

— Вы знаете о них всё, — сказала я, когда он закончил.

— Я должен, — сказал он. — Иначе я не смогу им доверять.

— И вы доверяете?

— Нет, — сказал он. — Но я знаю, чего от них ждать.

Я посмотрела на список. Тридцать два имени. Тридцать два человека, каждый из которых мог оставить записку.

— Начнем с тех, кто был в коридоре ночью, — сказала я. — Кто дежурил?

Адриан ткнул пальцем в три имени.

— Ганс. Марта. И Оливер.

— Кто из них мог подойти к моей двери?

— Все, — сказал он. — Коридор патрулируется каждые полчаса. Но между патрулями — окно. Минут десять. Достаточно, чтобы подойти, оставить записку и уйти.

— Кто-нибудь из них видел что-то?

— Ганс говорит, что нет. Марта говорит, что нет. Оливер... — он помолчал. — Оливер говорит, что видел тень.

Я подалась вперед.

— Тень?

— В конце коридора, — сказал Адриан. — Когда он шел на пост. Он говорит, что она исчезла, как только он посмотрел.

— И вы ему верите?

— Оливер молод, — сказал Адриан. — Но он не лжет. Я проверял.

Метка на моем запястье молчала. Значит, правда.

— Значит, у нас есть тень, — сказала я. — Которая исчезает. И записка. И медальон с символом культа, который вы уничтожили два года назад.

— Да.

Я откинулась на спинку стула.

— Знаете, что мне это напоминает? — сказала я.

— Что?

— Что кто-то очень хочет, чтобы я отказалась от ритуала, — сказала я. — И этот кто-то знает про шестую. И про культ. И про вас.

Адриан смотрел на меня.

— И этот кто-то, — сказала я, — скорее всего, не снаружи.

— Вы думаете, это кто-то из моих людей.

— Я думаю, это кто-то, кто знает дом, — сказала я. — Кто знает, где стоит стража. Кто знает, когда меняется караул. Кто знает, что вы держите комнату шестой запертой.

Адриан молчал.

— Вы сказали, что не можете проверить слуг, — сказала я. — Но вы можете проверить себя.

Он поднял глаза.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сказали, что не помните, что случилось с шестой, — сказала я. — Что она ушла. Что вы ее не отпускали. Но метка молчит.

— И?

— И это значит, что вы верите в то, что говорите, — сказала я. — Но это не значит, что это правда.

Адриан смотрел на меня. Долго.

— Вы думаете, я мог ее убить? — спросил он.

— Я думаю, — сказала я, — что проклятие, которое вас убивает, может влиять не только на тело.

Он побледнел. Сильнее, чем раньше.

— Вы думаете, я теряю память.

— Я думаю, — сказала я, — что вам стоит это проверить.

Он встал. Подошел к окну. Долго смотрел в темноту.

— Если вы правы, — сказал он наконец, — то я не могу доверять даже себе.

— Да, — сказала я. — Не можете.

Он обернулся.

— И что мне делать?

— Для начала, — сказала я, — перестать держать комнату шестой запертой. Если там что-то есть — я хочу это найти.

— Я не хочу, чтобы кто-то входил туда, — сказал он.

— Почему?

— Потому что... — он запнулся. — Я не знаю.

Метка молчала. Правда. Он не знал.

— Вот об этом я и говорю, — сказала я. — Что-то заставляет вас держать эту дверь закрытой. И это что-то — не вы.

Он смотрел на меня.

— Вы опасны, леди Вельская, — сказал он.

— Я знаю, — сказала я. — Поэтому вы на мне и женитесь.

И — вот честно, я не ожидала, — он улыбнулся.

Не уголком губ. По-настоящему. Широко, открыто, как человек, который давно не улыбался и уже забыл, как это делается.

— Ладно, — сказал он. — Завтра утром мы откроем комнату шестой. И найдем всё, что там есть.

— Хорошо, — сказала я. — А сегодня вечером я хочу поговорить с Оливером.

— С Оливером?

— С тем, кто видел тень, — сказала я. — Мне интересно, что он еще видел.

Вечером ко мне пришла горничная — та же самая, испуганная, с широко раскрытыми глазами.

— Госпожа, — сказала она, кланяясь. — Вам письмо.

Я взяла конверт. Темный. Без подписи. Такой же, как раньше.

Сердце ушло в пятки.

— Кто принес?

— Оставили у ворот, — сказала горничная.

Я разорвала конверт.

Внутри была записка. Кровью.

«Он не помнит. Но ты помнишь? Спроси себя, почему ты не боишься его. Спроси себя, почему ты ему веришь. Спроси себя, что ты знаешь, чего не знает он».

Я перечитала. Потом еще раз. Потом села на кровать, потому что ноги перестали держать.

«Спроси себя, что ты знаешь, чего не знает он».

Я ничего не знала. Я была целительницей из-под Кракова. Я лечила людей. Я не знала никаких культов. Не знала никаких проклятий. Не знала, что случилось с шестой.

Но почему-то — я вдруг поняла это с ледяной ясностью — я с самого начала не боялась Адриана. Ни в застенке. Ни на площади. Ни здесь.

Я думала, это потому что я привыкла бояться других вещей. Смерти. Костров. Совета.

А что, если причина другая?

Я посмотрела на свое запястье. Метка пульсировала — ровно, спокойно, тепло.

Метка, которая не давала нам лгать друг другу.

Метка, которая появилась только сегодня.

Я вспомнила вчерашний вечер. Площадь. Костер. Адриана, который смотрел на меня своими льдистыми глазами.

И вдруг — как вспышка — я вспомнила другое. Не площадь. Не костер.

Комнату. Маленькую. С окном под потолком. С кроватью, застеленной серым одеялом. С распятием на стене.

Я никогда не была в этой комнате. Я не могла ее помнить.

Но я ее помнила.

— Какого дьявола, — прошептала я.

И тут в дверь постучали.

— Лия? — голос Адриана. — Вы здесь?

Я спрятала записку под подушку.

— Да, — сказала я. — Входите.

Дверь открылась. Он стоял на пороге — высокий, черный, с факелом в руке. Лицо у него было усталое.

— Я хотел спросить, — сказал он. — Вы в порядке?

— В порядке, — сказала я. — Почему вы спрашиваете?

Он помолчал.

— Не знаю, — сказал он. — Просто... почувствовал, что должен спросить.

Метка на моем запястье вспыхнула. Не больно. Тепло.

И я вдруг поняла: он не врет. Он правда почувствовал.

Что-то изменилось. Между нами. В этом доме. В этот вечер.

— Адриан, — сказала я. — Мне нужно вам кое-что сказать.

Он поднял бровь.

— Что?

Я открыла рот.

И не смогла произнести ни слова.

Потому что не знала, как сказать: «Я помню комнату, в которой никогда не была. И я не боюсь вас, хотя должна. И

кто-то пишет мне записки кровью, а метка на моем запястье молчит, когда я думаю о том, что случилось с шестой».

— Ничего, — сказала я. — Просто... спасибо, что спросили.

Он кивнул. И вышел.

Я осталась стоять в темноте. С запиской под подушкой. С меткой, которая пульсировала тепло. И с мыслью, которая была страшнее всего:

«А что, если я уже была здесь раньше?»

Глава 4

Глава 4. То, что не тонет

Утром я первым делом спустилась в комнату шестой.

Адриан ждал меня у двери. Цепь уже была снята, замок открыт, и он стоял, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. Лицо у него было такое, будто он не спал всю ночь. Возможно, так и было.

— Вы уверены? — спросил он.

— Нет, — сказала я. — Но это никогда меня не останавливало.

Я вошла.

Комната выглядела так же, как вчера: узкое окно, серая кровать, стол, стул, распятие. Но теперь, при дневном свете, я заметила то, что вчера пропустила.

На стене, у самого пола, за кроватью, была царапина. Глубокая, длинная, как будто кто-то скреб ногтями. Я опустилась на колени и провела по ней пальцем.

— Здесь что-то было, — сказала я. — Что-то тяжелое. Кровать отодвигали.

Адриан подошел. Посмотрел.

— Я не знал, — сказал он.

— Неудивительно. Вы же не заходили сюда три месяца.

Я взялась за край кровати и потянула. Она была тяжелая, дубовая, но поддалась. За ней, в стене, была ниша. Маленькая, темная, с неровными краями — как будто ее выдолбили

в спешке.

В нише лежала книга.

Не такая, как та, что дал мне Адриан. Другая. Тонкая, в потертой кожаной обложке, с выжженным на ней символом — той самой спиралью с точкой.

Я взяла ее.

— Это ее, — сказал Адриан.

— Вы уверены?

— Я видел этот символ. В Моррене.

Я открыла книгу.

Страницы были исписаны мелким, убористым почерком. Не таким, как в требнике, — другой рукой. Более резкой. Более злой.

— «Он не знает, что я нашла», — прочитала я вслух. — «Он думает, что я просто целительница. Он не понимает, что я вижу. Я вижу, как оно растет внутри него. Как оно пускает корни. Оно не убивает его. Оно его ест».

Адриан стоял рядом. Я чувствовала, как он напрягся.

— Дальше, — сказал он.

Я перелистнула.

— «Сегодня я попробовала первый шаг. Увидеть. Это было... страшно. Оно посмотрело на меня. Не он. Оно. Как будто внутри него сидит что-то живое, и это что-то знает, что я здесь».

Еще страница.

— «Я не могу ему сказать. Он не поверит. Или поверит —

и тогда оно узнает, что я знаю. Я должна быть осторожна».

Еще.

— «Оно говорит со мной во сне. Оно предлагает сделку. Оно говорит, что если я остановлюсь, оно оставит его в живых. Просто оставит. Не убьет. Я не знаю, верить ли».

Еще.

— «Я нашла способ. Есть ритуал. Не тот, который он ищет. Другой. Он может вытащить это наружу. Но для этого нужна жертва. Настоящая. Не кровь. Не боль. Что-то, что нельзя вернуть».

Еще.

— «Я боюсь. Не за себя. За него. Если я сделаю это — он возненавидит меня. Но если не сделаю — он умрет. Я выбираю его ненависть».

Последняя страница была вырвана. Остался только край — рваный, неровный.

— Дальше нет, — сказала я.

Адриан молчал.

Я обернулась. Он стоял, глядя на книгу в моих руках, и лицо у него было... пустое. Не каменное. Просто пустое. Как будто кто-то выключил свет.

— Она знала, — сказал он тихо.

— Знала что?

— Что это не проклятие, — сказал он. — Это что-то живое. Я два года думал, что меня прокляли. А она... она видела.

— И вы ничего не помните?

— Нет.

Метка молчала. Правда.

Я закрыла книгу. Сунула ее за пояс — не спрашивая разрешения, — и посмотрела на Адриана.

— Нам нужно поговорить с Оливером, — сказала я. — Сейчас.

Оливер оказался молодым парнем лет девятнадцати, с веснушками и испуганными глазами. Он стоял перед нами в кабинете Адриана, переминаясь с ноги на ногу, и явно не понимал, за что его вызвали.

— Расслабься, — сказала я. — Мы не собираемся тебя пытать.

— Госпожа... — он поклонился. — Ваше преосвященство...

— Оливер, — сказал Адриан. — Расскажи леди Вельской про тень.

Парень побледнел.

— Я уже говорил...

— Повтори, — сказала я. — Пожалуйста. Всё, что помнишь.

Он сглотнул.

— Я стоял на посту. В западном коридоре. Было около полуночи. Я услышал шаги.

— Шаги? — переспросила я. — Чьи?

— Не знаю, госпожа. Я обернулся. И увидел... — он за-

пнулся. — Тень. У стены. Она была... неправильная.

— Неправильная?

— Слишком длинная, — сказал он. — И двигалась не так. Как будто... не по полу. Как будто по стене.

Я переглянулась с Адрианом.

— И что ты сделал? — спросила я.

— Я пошел за ней. Но она исчезла. Просто... растворилась.

— Куда?

— В сторону вашей комнаты, госпожа, — сказал он. — Я подумал... я подумал, что это кто-то из наших. Что кто-то проверяет пост. Но когда я дошел до двери, там никого не было.

— И ты никому не сказал?

— Сказал, — он посмотрел на Адриана. — Его преосвященству. Утром.

Адриан кивнул.

— Я допросил его, — сказал он. — Он не лгал.

Я смотрела на Оливера. Парень дрожал, но не от страха перед нами. От страха перед тем, что видел.

— Спасибо, — сказала я. — Можешь идти.

Он поклонился и вышел. Дверь закрылась.

— Тень, которая ходит по стенам, — сказала я. — И записки кровью. И комната шестой, где спрятана книга с символом культа.

— Да.

— Адриан, — я повернулась к нему. — Вы понимаете, что это значит?

— Что кто-то в этом доме знает больше, чем говорит.

— Не просто знает, — сказала я. — Этот кто-то был здесь три месяца назад. Когда исчезла шестая. И этот кто-то до сих пор здесь.

Адриан молчал.

— Вы проверили всех? — спросила я.

— Всех, кто был в резиденции в ту ночь. Тридцать два человека. Никто ничего не видел. Никто ничего не знает.

— И вы им верите?

— Метка, — сказал он. — Я допрашивал каждого. С меткой. Они не лгали.

Я замерла.

— У вас есть метка, которая проверяет правду? Для допросов?

— Да.

— И вы не сказали мне об этом сразу?

— Я не думал, что это важно.

Я уставилась на него.

— Вы допрашивали слуг с меткой. Они не лгали. Но кто-то из них все равно врет. Как это возможно?

Адриан помолчал.

— Метка не различает, — сказал он наконец. — Если человек верит в то, что говорит, — метка молчит. Даже если это неправда.

— Значит, кто-то из ваших людей верит в свою ложь?

— Или кто-то из них не человек.

Я похолодела.

— Что вы имеете в виду?

Адриан подошел к окну. За стеклом было серое утро, и двор казался пустым.

— Я не знаю, — сказал он. — Но книга шестой говорит: «Оно посмотрело на меня». Не «он». «Оно».

— Вы думаете, это существо?

— Я думаю, — сказал он, — что мы имеем дело не с человеком.

День прошел в подготовке.

Адриан дал мне новую книгу — не ту, что была у шестой, а ту, что он показывал вчера. Ритуал. Семь шагов. Мы прошли первые три.

— Увидеть, — говорил он, водя пальцем по странице. — Это значит — увидеть проклятие таким, какое оно есть. Не как болезнь. Не как магию. Как существо.

— Как я это сделаю?

— Через целительский дар. Вы должны будете... — он запнулся, подбирая слово, — услышать его. Как слышите травы. Как слышите жизнь.

Я кивнула. Я знала, о чем он. Когда я лечила людей, я закрывала глаза и слушала. Не ушами. Чем-то другим. Тем, что жило внутри меня с рождения.

— Второй шаг — понять, — продолжал Адриан. — По-

нять, чего оно хочет. Третий — принять. Это самое сложное.

— Почему?

— Потому что вы должны будете согласиться с ним. Не бороться. Не изгонять. Принять его как часть себя. Хотя бы на время.

— И тогда?

— Тогда — четвертый шаг. Разделить. Вы должны будете отделить его от меня. Вытащить наружу.

— И как я это сделаю?

— Через боль, — сказал он. — Через мою боль. Вы должны будете почувствовать то, что чувствую я. Каждую ночь. Каждый день. Два года.

Я сглотнула.

— Это опасно?

— Опасно, — сказал он. — Для вас. Я не знаю, что будет, если вы не выдержите.

— А если вы не выдержите?

— Тогда я умру, — сказал он просто. — Но это будет быстро.

Я посмотрела на него.

— Вы говорите об этом так спокойно.

— Я привык, — сказал он. — Два года — достаточный срок, чтобы привыкнуть к мысли о смерти.

— И вы не боитесь?

Он помолчал.

— Боюсь, — сказал он. — Но не смерти.

— А чего?

Он посмотрел на меня. Долго.

— Того, что будет после, — сказал он. — Если я умру, а проклятие останется. Оно найдет другого. И все начнется сначала.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Адриан.

На пороге появилась горничная — та же самая, с испуганными глазами. В руках у нее был поднос.

— Ваше преосвященство, — сказала она, кланяясь. — Обед. Для вас и госпожи.

Она поставила поднос на стол. На нем было два блюда — суп, хлеб, кувшин с вином. Пахло хорошо. Я вдруг поняла, что не ела с утра.

— Спасибо, — сказала я.

Горничная поклонилась и вышла.

Я потянулась к чашке.

— Подождите, — сказал Адриан.

Я замерла.

— Что?

Он подошел к столу. Взял чашку. Поднес к лицу. Понюхал.

И лицо его изменилось.

— Не ешьте, — сказал он.

— Что? Почему?

Он поставил чашку обратно. Медленно. Аккуратно.

— Яд, — сказал он. — В вине.

Я отшатнулась.

— Вы уверены?

— Я инквизитор, — сказал он. — Я знаю, как пахнет смерть.

Он взял кувшин. Понюхал. Поставил.

— Сок цикуты, — сказал он. — Смешанный с чем-то сладким, чтобы скрыть вкус. Если бы вы выпили — умерли бы через час.

Я смотрела на кувшин. На чашку. На суп, который вдруг показался мне подозрительным.

— Кто? — спросила я. — Кто принес?

— Горничная, — сказал Адриан. — Та же, что была здесь вчера.

— Она сказала, что оставили у ворот.

— Она лгала.

— Но метка...

— Метка не работает на ней, — сказал Адриан. — Потому что она не человек.

Я уставилась на него.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, — сказал он, — что мы нашли нашего врага.

Он развернулся и вышел из кабинета. Я бросилась за ним.

Мы нашли горничную в коридоре. Она шла к выходу —

быстро, почти бежала. Адриан окликнул ее.

— Марта!

Она обернулась. И я увидела ее лицо.

Оно было... неправильное. Глаза — слишком широко раскрытые, зрачки — слишком большие. Кожа — слишком гладкая. Как будто кто-то нарисовал человека, но не дорисовал детали.

— Ваше преосвященство, — сказала она. Голос был ровный, вежливый. Но пустой. Как у куклы.

— Ты принесла вино, — сказал Адриан.

— Да, ваше преосвященство.

— Ты знала, что оно отравлено.

Она помолчала. Потом улыбнулась.

Улыбка была неправильная. Слишком широкая. Слишком много зубов.

— Знала, — сказала она.

Адриан сделал шаг вперед. И вдруг — я не успела даже моргнуть — воздух вокруг него вспыхнул. Серебристый свет, холодный, резкий, как молния. Магия. Настоящая, не та, что я чувствовала раньше.

— Кто ты? — спросил он. Голос был тихий. Страшный.

Горничная — Марта — засмеялась.

— Ты не помнишь, — сказала она. — Ты ничего не помнишь, инквизитор. Ты думаешь, что убил нас всех. Но ты не убил меня. Ты просто... забыл.

Адриан замер.

— Моррен, — сказал он.

— Моррен, — повторила она. — Ты сжег мой дом. Ты убил моих братьев и сестер. Ты забрал нашего господина. И ты думаешь, что можешь просто... жить дальше?

Свет вокруг Адриана стал ярче. Я чувствовала, как от него идет холод — настоящий, ледяной, как из открытого склепа.

— Ты убила шестую, — сказал он.

— Я ее не убивала, — сказала Марта. — Она ушла сама. Когда поняла, что ты никогда не вспомнишь.

— Где она?

— Там, где ты ее не найдешь.

Адриан сделал еще шаг. Свет стал невыносимым — белым, слепящим. Я зажмурилась.

— Скажи мне, — прошептал он. — Или я выжгу это из тебя.

Марта засмеялась снова.

— Ты не сможешь, — сказала она. — Ты уже пытался. Два года назад. Ты выжег половину Моррена, но меня не нашел. Потому что я — не человек. Я — то, что осталось.

И тогда Адриан ударил.

Я не видела, как. Просто воздух вокруг него взорвался светом — и Марту отбросило к стене. Она ударилась с глухим стуком и сползла на пол. Свет погас.

Адриан стоял, тяжело дыша. Лицо у него было... страшное. Не каменное. Живое. Искаженное.

— Адриан, — сказала я.

Он не слышал.

Он подошел к Марте. Наклонился. Взял ее за горло.

— Где шестая? — спросил он. Голос был хриплый.

Марта открыла глаза. Улыбнулась — опять, слишком широко.

— Ты не найдешь ее, — сказала она. — Но она найдет тебя. Когда придет время.

И закрыла глаза.

Адриан держал ее за горло еще секунду. Потом отпустил. Выпрямился.

— Она мертва, — сказал он.

Я подошла. Посмотрела.

Марта лежала на полу, и лицо у нее было... нормальное. Обычное. Молодая женщина, горничная, с испуганными глазами. Только глаза были открыты и не двигались.

— Она была одержима, — сказал Адриан. — Оно сидело в ней. Когда я ударил — оно ушло.

— Куда?

— Не знаю.

Он повернулся ко мне. И я увидела, что руки у него дрожат.

— Вы в порядке? — спросил он.

— Я? — я опешила. — Это вы только что... сделали... что-то. С ней.

— Я потерял контроль, — сказал он. — Простите.

— Вы спасли мне жизнь.

Он посмотрел на меня.

— Да, — сказал он. — Спасли.

И вдруг — я не знаю, как это произошло, — я шагнула к нему. Близко. И взяла его за руку.

Он вздрогнул.

— Что вы делаете?

— Ваши руки дрожат, — сказала я. — Вы только что потеряли контроль. Впервые за два года.

— И?

— Это значит, что вы что-то чувствуете, — сказала я. — Хотя бы немного.

Он смотрел на меня. И в его глазах — ледяных, бесцветных — что-то дрогнуло. Опять.

— Я чувствую, — сказал он тихо. — Но не знаю что.

— Это уже прогресс.

Он не отнял руку. Я тоже не отпустила.

Мы стояли так — посреди коридора, над телом мертвой горничной, — и я чувствовала, как его пальцы сжимаются вокруг моих.

— Нам нужно убрать тело, — сказал он наконец.

— Да.

— И найти способ защитить вас.

— Да.

— И...

Он запнулся.

— Что? — спросила я.

— Я не знаю, как это сказать, — произнес он. — Я никогда этого не говорил.

— Попробуйте.

Он посмотрел на меня.

— Спасибо, — сказал он. — За то, что вы здесь.

Метка на моем запястье вспыхнула. Тепло. Очень тепло.

И я вдруг поняла, что улыбаюсь. Впервые за всё время — по-настоящему.

— Не за что, — сказала я. — Мы же партнеры.

— Партнеры, — повторил он.

— Ну, или как это у вас называется. Союзники. Сообщники. Люди, которые вытаскивают друг друга из передряг.

Он помолчал.

— Мне нравится «партнеры», — сказал он.

И — вот честно, я не ожидала, — он улыбнулся. Опять. Как вчера. Широко, открыто, как человек, который давно не улыбался и уже забыл, как это делается.

Я улыбнулась в ответ.

А потом мы убрали тело.

Вечером я сидела в своей комнате. Книга шестой лежала на столе, раскрытая на середине. Я перечитывала страницы — снова и снова, — и что-то в них не давало мне покоя.

«Я нашла способ. Есть ритуал. Не тот, который он ищет. Другой. Он может вытащить это наружу. Но для этого нужна жертва. Настоящая. Не кровь. Не боль. Что-то, что нельзя вернуть».

Я перечитала еще раз.

Что-то, что нельзя вернуть.

Я подумала о том, что сказал Адриан. О цене. О том, что книга не пишет, пока ритуал не начнется.

И вдруг — как вспышка — я вспомнила.

Комнату. Маленькую. С окном под потолком. С кроватью, застеленной серым одеялом. С распятием на стене.

Я никогда не была в этой комнате.

Но я ее помнила.

Я встала. Подошла к окну. За стеклом было темно.

И тогда я услышала.

Не шаги. Не голос. Что-то другое. Шорох. Как будто кто-то шептал — очень тихо, очень быстро, — прямо у меня под окном.

Я выглянула.

Внизу, во дворе, стояла тень. Длинная. Неправильная. И она смотрела на меня.

Я отшатнулась.

— Адриан! — крикнула я. — Адриан!

Дверь открылась через секунду — он вбежал, с факелом в руке, с магией, готовой сорваться с пальцев.

— Что? Что случилось?

— Там, — я показала на окно. — Во дворе. Тень.

Он подошел. Посмотрел.

— Там никого нет.

Я выглянула снова.

Двор был пуст.

— Она была там, — сказала я. — Я видела.

Адриан смотрел на меня. Долго.

— Я вам верю, — сказал он.

И метка на моем запястье — та, что не давала нам лгать друг другу, — молчала.

Потому что он не врал.

Он правда верил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.